

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ С 1917 Г. ДО КОНЦА 1930-Х ГГ.

В настоящей аналитической записке рассматриваются особенности советской языковой политики в предвоенный период. В первой части записки рассматриваются общие аспекты языковой политики в СССР, а во второй части — как советская языковая политика проводилась на примере Карелии.

И. Ю. Борисова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В одном из первых политических документов советской власти — «Декларации прав народов России» от 15 ноября 1917 г. — был обнародован основной принцип национальной политики большевиков — равноправие всех наций, понимаемое в том числе как право на использование родного языка вне зависимости от национальной принадлежности. Ряд законодательных актов 1918–1919 гг. утверждал возможность употребления местных языков в суде и в школе. Решениями X съезда РКП(б) в 1921 г. была принята резолюция, определявшая основной курс национально-языковой политики: «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию». Среди способов выделялись следующие: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующим национально-бытовым условиям этих народов, б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вооб-

ше культурно-просветительские учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как образовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем отраслям управления и, прежде всего, в области просвещения».

Существующая периодизация языковой политики в 1920–1930-е гг. насчитывает несколько этапов. Первый этап, проходивший до конца 1920-х гг., характеризуется плюрализмом подходов, стремлением реализовать существующие потребности и ресурсы народов, развить литературные языки крупных народов. Второй этап, начавшийся одновременно с первой пятилеткой, был связан с развитием процессов языкового строительства и характеризовался централизацией мер языкового планирования и активным созданием литературных форм языка для бесписьменных народов, а также с переходом на латиницу — все это должно было способствовать развитию социалистического общества. В 1934 г. начинается третий период языковой политики в СССР, характеризовавшийся распространением

русского языка среди национальностей, переводом национальных языков на кириллическую основу и общим увеличением влияния русского языка как на словарь и терминологию, так и в области социального функционирования.

Языковая политика до конца 1920-х гг.

Первая половина 1920-х гг. связана с практикой самостоятельного языкового регулирования на национальных территориях. В Якутии шрифт на латинской основе был разработан уже в 1917 г. по инициативе молодого лингвиста С. Новгородова. Главными особенностями созданного им письма было сохранение фонетического принципа и отсутствие знаков пунктуации. В 1920 г. в Ленинграде, куда Новгородов приехал для отливки шрифтов и издания первого букваря, он дал подписку о введении знаков пунктуации, однако обещание не сдержал. В 1922 г. латинизированный алфавит уже вошел в оборот, а в 1924–1925 гг. было введено обязательное делопроизводство, судопроизводство и обучение на якутском языке.

В ноябре 1922 г. башкирский язык вводится в делопроизводство учреждений наравне с русским языком за исключением, однако, финансовых управлений, комиссариатов здравоохранения и связи, в которых требовалось

использовать исключительно русский язык. Перевод всех административных учреждений на башкирский язык осуществился только в 1929 г.

В Ташкенте создается Туркестанское государственное издательство, выпускавшее книги на всех языках народов Средней Азии. В то же время в Москве при Наркомате по делам национальностей были созданы Восточные и Западные издательства, в 1924 г. объединенные в одно. В 1920-х гг. повсеместно открываются государственные издательства: в 1922 г. — в Казахстане, в 1925 г. — Таджикистане и Туркменистане, в 1926 г. — в Киргизии. Интересен опыт грузинского государственного издательства: открывшись в 1921 г. («Сахелгами»), через четыре года оно разделилось. Отделившееся издательство «Картули цигни» было преобразовано в издательство Союза писателей Грузии и в дальнейшем выпускало исключительно грузинскую литературу.

На XII партийном съезде в 1923 г. были утверждены основы политики коренизации, определяющей идеей которой было преодоление национальных предрасудков народов СССР на основе пролетарского интернационализма. Практически она воплотилась в придании официального статуса языкам «титulyных» народов, в разработке письменностей и литературных языков, во введении

начального образования на родном языке и переведении на него делопроизводства. Любопытно, что идея территориального принципа в национальном самоопределении — нация имеет право на национальное самоопределение только на своей собственной территории, высказанная Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913), фактически не нашла своего применения: создавались национальные районы, в 1931/1932 гг. на Украине функционировали 571 немецкая и 831 еврейская школы. В то же время существенным значением обладал вопрос о сущности «нации»: выделялось несколько обязательных признаков, которым она должна была обладать — это общий язык, общая территория, общая история и общий национальный характер. Так, еврейская нация появилась лишь с основанием Еврейской автономной области, а до 1934 г. она таковой не считалась. До 1930-х гг. карелов считали народностью, «нацией» они стали только в результате социалистического развития, как определяет Большая советская энциклопедия в 1953 г.

Основная трудность, которая была обнаружена вскоре после объявления политики коренизации, заключалась в полном отсутствии или слабом уровне владения литературными формами языков народов советского государства. По данным переписи

си 1926 г., грамотность населения составляла 25,2 % в Азербайджане, 22,8 % в Казахстане, 15,1 % в Киргизии, 12,5% в Туркмении, 10,6 % в Узбекистане, 3,7 % в Таджикистане.

В 1921 г. начинается разработка латинского алфавита для ингушей, осетин, кабардинцев и для азербайджанцев. В 1923 г. была созвана I конференция по просвещению народов Северного Кавказа, утвердившая согласованный проект латинских алфавитов для ингушей, осетин, кабардинцев и карачаевцев; успехи Азербайджана были высоко оценены на XII съезде партии. С 1923—1924 гг. организуется работа по применению латинского алфавита у других тюрко-татарских народов со слаборазвитой национальной письменностью (казанцев, казанских татар, башкир, узбеков и др.). II конференция по просвещению народов Северного Кавказа в 1925 году окончательно закрепляет латинизацию у ингушей, осетин, кабардинцев, карачаевцев и принимает решение о латинизации у чеченцев и адыгейцев.

Языковая политика во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг.

Различия в темпах развития собственных письменностей у разных народов, многообразие этнических групп и нечеткость границ

между ними требовали централизации деятельности по языковому развитию. В феврале-марте 1926 г. на базе ранее созданного Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) созывается I тюркологический съезд в Баку, на котором представителям восточных республик было рекомендовано учесть успешный опыт латинизации в Азербайджане. Впервые выдвигается лозунг унификации алфавитов — межнационального графического и фонетического объединения национальных латинских алфавитов. Унификация должна была отвечать задачам культурного и политического объединения народов с сохранением возможности самостоятельного языкового развития и выражения его в алфавите.

Выбор латиницы в качестве единой системы нового письма был обусловлен, скорее, идеологическими и социальными причинами, нежели лингвистическими, а именно соответствием как установке на европеизацию народов Средней Азии, так и актуальной в 1920-е гг. идее мировой революции и будущего единого пролетарского языка. К тому же латинская письменность, в отличие от кириллицы и арабицы, была свободна от политических ассоциаций с прошлым этих народов.

Высокий уровень научной обоснованности деятельности комитета обеспечивался учас-

тием выдающихся филологов: в его состав входили Н. Ф. Яковлев, руководивший научной работой комитета, Л. И. Жирков, Е. Д. Поливанов, А. М. Сухотин, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, Н. Н. Поппе и другие. Им принадлежит разработка теоретических основ нового алфавита.

Высчитывались универсальные алгоритмы создания алфавитов; целесообразность вариантов письма определялась по их соответствию лингвистическому, полиграфическому, педагогическому, психологическому критериям. В частности, все алфавиты рассматривались в Институте психологии на предмет восприятия при чтении рукописного и печатного текста. Среди лингвистических требований В. А. Артемов выделял следующие:

«1. Алфавит должен целостно и органически отражать структуру языка, и в первую очередь его фонематический состав. <...>

2. Недопустимы тождественные и исходные знаки (омонимика знака) для выражения звуков разного типа и разные знаки для выражения звуков общего типа, например, парных фонем (синонимика знака). Несоблюдение этого правила нарушило бы основной психологический закон графического выражения (репрезентации) фонематического состава языка, заключающийся в том, что сходство формы графического начертания необходимо вызывает

в сознании сходство соответствующих звуков и обратно.

3. Языковая систематика, и в первую очередь фонематическая систематика, должна найти свое адекватное выражение в графической систематике: должна быть соблюдена систематическая адекватность в диакритическом обозначении мягкости, вокализма, консонантизма и т. п.

4. Недопустимы дву- и многобуквенные обозначения. Каждая качественно своеобразная единица алфавита должна иметь единый знак.

5. Наиболее часто встречающиеся фонемы должны выражаться более простыми знаками, а для менее часто встречающихся фонем можно допустить и более сложные знаки».

Существенным значением обладали и психологические требования, предъявляемые новым алфавитам:

«1. Однотипность графического выражения звука.

2. Организованность отдельных букв алфавита как объектов восприятия, образующихся из следующих качеств буквы: а) предметности, б) отконтурированности, в) выступления на фоне бумаги, г) расчлененности, д) отличимости как индивидуальной выраженности, е) отношения к другим буквам в смысле удобочитаемости и право- и левосторонних сочетаний.

3. Расчлененность и структурированность алфавита в его целом,

зависящие преимущественно от наличия и частоты встречаемости выступающих из строки букв.

4. Напластование зрительных образов букв и их сочетаний в их последовательном восприятии в процессе чтения».

Значительное внимание уделялось и педагогическим задачам формирования алфавита, ставившим, прежде всего, два требования — связность и безотрывность письма. Среди графических правил активнее всего обсуждались вопросы индивидуальных отличий графем и простоты их написания. А. А. Реформатский отмечал важность общей, системной графической дифференциальности алфавита в целом и необходимость уделять особое внимание графическим признакам, таким, как признаки шрифта по гарнитуре и пятну, по величине кегля, внутрикеглевые варианты.

К 1930 г. завершается латинизация и унификация письма народов, ранее использовавших арабский алфавит; теперь приоритетным направлением становится создание письма для бесписьменных народов и перевод на латиницу литературного языка народов с сирийской, монгольской, китайской письменностями. Еще в 1928–1929 гг. впервые получают письменность на родном языке дунгане, ногайцы, талыши, хакасы, а в 1931 г. табасаранцы, южные карелы, шорцы, шугнанцы и 15 народов

Севера (вогулы, гольды, гиляки, ительмены, кеты или енисейские остяки, коряки, ламуты, лопари, ненцы или самоеды, остяко-самоеды, остяки, тунгусы, удейцы, чукчи, эскимосы). В 1932 г. разрабатываются латинские алфавиты для белуджский, абазинский, эвенкский, ижорский, курдский (для среднеазиатских курдов), в 1933 г. — кумандинский, в 1934–1935 гг. — цахурский, удинский. Новый унифицированный алфавит насчитывает в общей сумме 105 букв, наибольшее количество букв — 51 — в абхазском алфавите, наименьшее — 24 знака — в ижорском и китайском. С середины 1930-х гг. руководство ВЦК НА видит своей первоочередной задачей, помимо продолжения унификации алфавитов, развитие литературных языков с кодифицированной и соотнесенной с диалектами нормой.

Активное продолжение коренизации давало свои результаты. Весьма показательны данные по росту грамотности в советских восточных республиках. В 1932 г. из 12,4 миллионов населения Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Татарстана и Туркменистана грамотными были 5,8 млн человек. Следствием введения всеобщего обучения стало появление районов сплошной грамотности: к началу 1930-х гг. таковыми были Татарстан, Крым, Адыгея, Кабарди-

но-Балкария, Чувашия. Высшее образование: в 1931–1932 гг. на территории РСФСР в 85 высших технических учебных заведениях из 73 263 учащихся 16 705 (23 %) были представителями нерусской национальности — «националами», в 217 техникумах из 82 987 учащихся — 10 917 (13,8 %) «националов», в 10 рабфаках из 40 557 учащихся таковых было 6 307 (15,6 %). С 1929/1930 по 1931/1932 учебный год. в 2,5 раза увеличилось число национальных педагогических техникумов (с 47 до 101). В 1928/1929 учебном году на территории РСФСР действовало три национальных педагогических высших учебных заведения: Крымский, Восточно-Педагогический (в Казани) и Горский во Владикавказе; в 1930/1931 учебном году таких было уже 13, в 1932 г. — 26. В 1929 г. Центриздатом выпускались учебники и пособия на 56 языках, в 1934 г. — на 104. О росте тиражей издаваемой детской, национальной, переводной литературы на русском языке и на языках народов СССР, а также изданий газет позволяют судить статистические данные (см. Таблицы 1–4).

На XVI съезде ВКП(б) Сталин, объявив о достижении советским обществом стадии социализма, утвердил новую формулу «строительства» национальных культур: «На самом деле период диктатуры пролетариата и стро-

ительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию, национальных по форме». Требуя продолжения политики коренизации, он выделял две опасности, возникшие в условиях обострения классовой борьбы: «великорусский шовинизм», отражающий стремление покидающих политическую арену классов вернуть былую власть, и «местный национализм», выраженный в желаемом обособлении буржуазии. Интернационализм, формирующийся развитием национальных культур, должен был стать основой будущего единого одноязычного социалистического общества.

Неоднозначность декларированного сочетания национальной формы и социалистического содержания вызвала его многообразные трактовки в деятельности педагогов, лингвистов, управленцев. Одним их важных и противоречивых направлений этого курса стало развитие национальной терминологии. В этом деле ключевым становился вопрос не о чистоте языка, а о чистоте идеологии в нем. Так, критики считали неприемлемым толкование русского слова «общезитие» украинскими «бурса» и «братство», данное в академическом словаре, однако «гуртожиток» и «интернат» находили соответствующими смыслу переводимого слова. Перевод технической лексики «амортизатор»

(«гамивник»), «бункер» («книги»), «буфер» («видприжник»), «вертикаль» («строч»), «коэффициент» («сучинник») считали языковым вредительством, т. к. подобная замена делала невозможным использование образных выражений типа «политический буфер». При работе над украинской советской энциклопедией было решено использовать географические названия, употребляемые в языках колонизированных народов: «Если по-французски, скажем, город называется так, а в Индо-Китае иначе, то в энциклопедии его нужно называть так, как его называют трудящиеся Индо-Китае, поработенный колониальный народ». Этот выбор соответствовал убеждению в том, что интернационализмом является то слово, которое соответствует языку международного пролетариата.

Преподавание русского языка в контексте этой национально-языковой идеологии предполагало сознательное овладение его словарем, что должно было непременно привести к глубокому пониманию и усвоению «идеи свободы, народности, гуманизма, патриотизма и интернационализма, пронизавшее весь русский язык, всю его литературу».

В период индустриализации 1928–1931 гг. начинает оформляться статус **«lingua franca»** русского языка. В условиях развития миграции населения и недопущения изоляции в коллективе

по национальному признаку русские получали возможность везде учиться на родном языке, для инонациональных мигрантов национальные школы не открывались.

Языковая политика в области русского языка, начавшаяся реформой орфографии, осуществлялась по нескольким направлениям. Проект реформы по упрощению орфографии, готовый еще к лету 1912 г., был принят Народным комиссариатом просвещения 23 декабря 1917 г. и закреплен декретом СНК от 10 октября 1918 г., расширяющим сферу распространения новой орфографии и утверждающим ее во всей советской печати. В 1929 г. по инициативе «Учительской газеты» возобновляется дискуссия по доработке правил правописания, создается новая Орфографическая комиссия. При Главнауке Наркомпроса создается специальная орфографическая комиссия, подготовившая к 1930 г. на основе поступивших в нее предложений проект реформы. Смысл его выражен следующим образом: «Рационализация русского письма — это не техническая, а насущная политическая задача», под последней понималось необходимое освобождение от «орфографического гнета» за счет внедрения фонетического принципа письма и ориентации на социальную базу малограмотных или вовсе неграмотных носителей языка.

Проект не был одобрен; в 1934 г. в Москве и Ленинграде разворачивается работа по упорядочению орфографии, которая должна была привести к созданию единого орфографического свода, появившегося только в 1956 г. Работа комиссий была преимущественно связана с разработкой теоретических основ письма, прежде всего, с изучением фонематической основы русской орфографии (работы Н. Ф. Яковлева, Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского).

В 1922 г. с созданием специальной комиссии Академии наук возобновилась работа над словарным проектом А. А. Шахматова. В состав комиссии, возглавляемой В. М. Истриным, входили С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, И. А. Фалеев. Лексикографическая работа отличалась коллективностью и централизованностью, однако развивалась в большей степени в теоретической области. Отдельные выпуски словаря продолжали издаваться вплоть до начала 1930-х гг., но тем не менее издание не удалось завершить.

Осознание в обществе существенных изменений лексического состава языка, расширение границ читающей аудитории требовало создания словаря, отражающего современную языковую ситуацию. Принцип «тезауруса», основополагающий для словаря

Шахматова, его направленность на освещение всех возможных функционально-исторических пластов языка, отказ от стилистических и оценочных помет не соответствовали требованию «практического» словаря. Такую роль в академической лексикографической традиции выполнил Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1934–1940), созданный тем не менее вне стен Академии наук в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Стоит отметить многочисленные издания словарей иностранных и русских слов при журналах и газетах, предлагающих доступное толкование неологизмов и заимствований, встречающихся на страницах периодических изданий.

Активно обсуждался вопрос латинизации русского письма. В статье Н. Ф. Яковлева, напечатанной с учетом предложений по орфографии орфографической комиссии Главнауки, приводится ряд доводов в пользу перехода на латинское письмо, среди них основным был идеологический: «это послужит внешним выражением внутреннего единства пролетарской культуры в СССР при всем разнообразии ее национальных форм. <...> укрепит единение с пролетариатом Запада и Востока и наши дружественные связи с борющимися за свою независимость колониальными и полуколониальными странами, уже всту-

пающими на путь латинизации. С переходом на новую графику мы окончательно освобождаемся от всяких пережитков эпохи царизма в формах самой графики и принимаем интернациональную графику, вполне соответствующую интернациональному социалистическому содержанию нашей печати». Проект комиссии Яковлева, несмотря на широкое научное обсуждение и лингвистическую проработку, в политических условиях начала 1930-х гг. уже не мог быть реализован.

Языковая политика после 1934 года

Развитие плановой экономики и усиление централизации власти на первых порах парадоксально сочеталось с борьбой с «местным национализмом» и несоблюдением все еще актуального принципа «интернационализма», но во второй половине 1930-х гг. формировалась новая, более соответствующая политической ситуации того времени концепция великого русского народа, «первого среди равных», «старшего брата» в семье советских народов. Восприятие русского языка как языка более престижного и отсутствие мотивации обучаться и использовать родной язык обнаруживало себя еще на фоне достижений «культштурма» рубежа 1920—1930-х гг. наравне с другими сложностями, свя-

занными с административными «перегибами», нехваткой национальных кадров, учебной литературы, финансирования. Поэтому во многом переход с латинского письма на кириллическое в 1937—1940 гг. не вызвал отторжения и был воспринят спокойно. В августе 1938 г. Башкирский обком партии обращается в высшие партийные организации с просьбой заменить латинизированный алфавит, являющийся «тормозом в развитии культуры башкирского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию» и стремящийся «разобщить трудящихся башкир от великого русского народа». Соответствующее постановление было принято 23 ноября 1939 г. О переводе всех языков СССР с латиницы на кириллицу было объявлено в 1941 г.

Принятие новой конституции, декларировавшей право граждан СССР обучаться в школе на родном языке, с одной стороны, и провозглашение единого социалистического общества, с другой, также противоречиво воплощалось в действительность. Ликвидация национальных районов и сельсоветов, перераспределение их границ, с тем чтобы проживающее на их территориях русское население было доминирующим, упразднение национальных школ происходили одновременно с печатной критикой проявлений «великодержавного шовинизма».

13 марта 1938 г. русский язык становится обязательным предметом во всех школах СССР, а также единственным языком Красной Армии, в которой были ликвидированы национальные формирования. Начинается централизованное руководство системой внедрения и преподавания русского языка в школе, а русский язык становится «очагом, откуда излучаются и распространяются социалистические, советские термины, выражения социалистических, советских идей и чувств не только во весь круг братских языков и народов нашего многоязычного государства, но и во все языки мира».

ОПЫТ ЯЗЫКОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КАРЕЛИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Практика языкового регулирования в Карелии в 1920–1930-е гг. по причине своей подчас слишком очевидной зависимости от перемен внешне- и внутривнутриполитического курса руководства советского государства и слишком резкого характера изменений может показаться нетипичной. Высокая степень администрирования, наличие нескольких уровней языкового планирования с учетом роли геополитического фактора и этнического состава республики определили принятие противоречивых, несогласованных и

необоснованных потребностями национально-языковых прав населения решений. Тем не менее, именно в этих крайностях обнаруживается суть некоторых общих процессов, составлявших языковую политику СССР в указанный период, и особенности их практической реализации.

Проблемы языкового самоопределения карелов впервые были обозначены в связи с развитием национального движения в 1905–1906 гг.: созданный в 1906 г. Союз беломорских карелов ставил вопрос о необходимости введения родного языка в обращение в церкви и школе. Однако на практике роль «родного языка» в издательской и просветительской деятельности, организованной Союзом, взял на себя финский язык. Вслед за Союзом беломорских карелов в 1907 г. начинает свою деятельность Православное карельское братство. Приоритетным направлением его работы становится миссионерская деятельность, а также открытие русскоязычных школ и издание литературы и периодики на карельском языке, а именно на его ливвиковском (олонецком) диалекте. Для печати на нем использовался модифицированный русский шрифт; попытки утвердить самостоятельность карельского языка критиковались Союзом беломорских карелов и расценивались как стремление сблизить его с русским языком и тем са-

мым укоренить в русской культуре. Весной 1917 г. с открытием Карельского просветительского общества возобновляется деятельность национального движения, фактически прерванная в 1910 г. Его основным требованием было создание политической и культурной автономии Карелии, предполагавшее широкое использование «народного языка». Стремясь распространить свое влияние на Олонецкую губернию, помимо Беломорской Карелии, общество помещало в газету «Karjalaisten sanomat» («Карельские вести») материалы на ливвиковском диалекте (на основе модифицированного русского шрифта), а в начале 1918 г. опубликовало новый карельский алфавит на латинской графике. Введение карельской письменности воспринималось просветителями как промежуточный этап в повсеместном переходе карелов на литературный финский язык. Опыт Карельского просветительского общества был использован на первых порах существования Карельской трудовой коммуны.

8 июня 1920 г. по инициативе финского коммуниста Э. Гюллинга создается Карельская трудовая коммуна. В ее руководстве преобладающую роль играли «красные» финны — активисты рабочего движения, вынужденные эмигрировать в Россию и Швецию после неудачи революции в 1918 г. По плану Гюллинга, разработанному

в конце 1919 — начале 1920 гг., создание коммуны отвечало трем основным требованиям: подготовке революционного выступления в Финляндии, защите от посягательств белофиннов на Восточную Карелию, реализации национальных запросов местного населения. Эти же требования выдвигало советское государство Карелии в 1920-е — начале 1930-х гг., что непосредственно отразилось в решении языкового вопроса, сформировав роль Карелии в федерации. В «Заявлении о самоуправлении Восточной Карелии» «местный народный» язык фактически приобретал статус государственного, объявляясь «языком администрации, законодательства и народного просвещения». С позиции Гюллинга, таким языком должен был стать финский. В соответствии с решениями Тартуского мирного процесса (12.06—14.10.1920 г.) карельскому населению было гарантировано внутреннее самоуправление и употребление «местного народного» языка. На I Всекарельском съезде представителей трудящихся карелов в июле 1920 г. было высказано общее пожелание к «возрождению» карельской письменности и также решено обеспечить население образованием на финском, русском или родном народном языке — по выбору населения.

В феврале 1921 г. вскоре после объединения Карельской трудо-

вой коммуны с Олонецким губисполкомом прошел I Всекарельский съезд Советов, принявший две противоположные друг другу резолюции. Резолюция по докладу Гюллинга вводила обязательную деятельность советских органов на русском и финском языках. Резолюция по докладу отдела народного образования объявляла русский язык «для большинства карел родным культурным языком», а финский — «языком национального меньшинства». II Всекарельский съезд Советов (2–10 октября 1921 г.) утвердил право самостоятельного выбора языка обучения у местного населения. Недостаточное обсуждение языкового вопроса на съезде, по оценкам Карельского ГПУ, вызвало вооруженные выступления в Северной Карелии зимой 1921–1922 гг., имевшие национальный характер.

Реакцией на волнения стало движение центра навстречу «краснофинскому» руководству: 6 марта 1922 г. Оргбюро ЦК партии было решено ввести в обращение в учреждениях Карельской трудовой коммуны финский язык наравне с русским и выделить 1/3 бюджета ОНО на преподавание его в школах. Острые споры между сторонниками и противниками финского языка в Карелии определили характер первой областной партийной конференции (15–19 марта 1922 г.), однако в итоге решение центра было

поддержано, а идея создания карельской письменности была оценена как «шовинистическая выдумка буржуазных элементов Финляндии в целях одурачивания темных масс и их использование в своих интересах». Пересмотр идеи языкового плебесцита, так, впрочем, и не реализованного в масштабе всей коммуны, закрепила вторая партийная конференция (28 сентября — 2 октября 1922 г.): присутствовавший на ней секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) Б.П. Позерн подверг сомнению важность решения плебесцита («плебесцит не является показателем для коммуниста») и высоко оценил актуальность «краснофинской культуры». Ему же принадлежит программное заявление о роли автономии: «Был момент, когда думали, что Карелия должна быть Красной Финской Карелией, хотя бы в ущерб интересов русских, чтобы был Финский культурный центр». На конференции была принята классификация населения Карелии: «русское население Петрозаводска, Заонежья и Поморья; обрусевшие карелы. Употребляют карельские наречия, смешанные с русским языком (южные районы); карелы, говорящие на финском языке (Ухтинский район); карелы, до некоторой степени усвоившие русскую культуру, но в быту говорящие на карельском наречии, ближе стоящем к финскому языку (приграничная

полоса, средние карелы)». В соответствии с ней языковой вопрос надлежало решать следующим комплексом мероприятий: «а) в Ухтинском районе — ударная работа на финском языке; б) в русских районах и Южной Карелии — полное удовлетворение культурных нужд населения на русском языке; в) в остальных частях Карелии и особенно в пограничной полосе южного и среднего районов считать целесообразным удовлетворение нужд в русской и финской культуре».

Процесс усвоения финского литературного языка населением Карелии нельзя назвать однородным. Если беломорскими карелами финский язык был принят без значительных трудностей ввиду языковой близости диалекта и существовавших экономических связей с Финляндией, то на юге республики переход на финский язык происходил иначе. Ливвиковский и людиковский диалекты в силу существенных отличий от финского языка стали базой для развития своеобразной литературной карельской культуры, ознаменовавшейся появлением южнокарельских литераторов и особой, некодифицированной письменности на ливвиковском наречии, отвечавшей за обеспечение «карельского» компонента в концепции «карело-финского» языка. Впервые такое наименование появляется в декрете ВЦИК о преобразовании Карельской

трудовой коммуны в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (от 25 июля 1923 г.), утверждавшем равноправие русского и карело-финского языков. Ни один из них не был признан государственным, что было несвойственно положению автономии: в других автономиях родной для подавляющей массы населения язык приобрел статус государственного.

Первые результаты политики «карелизации» (финнизации) — частного направления провозглашенного на XII съезде РКП(б) курса коренизации — дала система народного образования. С объединением русских и финских административных органов управления образованием в единый Наркомпрос и с объявлением материальной поддержки национального самоопределения карело-финского населения на IV Всекарельском съезде Советов (10–15 октября 1923 г.) начался рост числа школ с преподаванием на финском языке. Если в 1924/1925 учебном году обучение на финском языке велось в 39 из 175 школ в карельской местности, то в 1927/1928 оно осуществлялось в 125 из 236, в 1931 г. все 278 начальных и семилетних карельских школ были финнизированы.

Наряду с этим создавались специальные комиссии по «карелизации» местных органов управления, среди своих задач

определявшие контроль над обучением сотрудников и перевод делопроизводства на финский язык: для замещения ряда должностей требовалось обязательное знание двух языков, для чего в Ухте и Повенце были организованы курсы русского и финского языка; в 1926 г. было создано переводное бюро ЦИК.

Говоря о политике повсеместного распространения финского языка, нельзя оставить без внимания динамику национального состава автономии. Летом 1920 г. из 143 тыс. человек населения коммуны карелы составляли 85,5 тыс. человек (59,8 %), русские — 54,7 тыс. (38,3 %), финны — 919 человек (0,6 %); к концу 1924 г. из 233 тыс. человек, проживающих в коммуне (расширенной за счет территорий Олонецкой губернии осенью 1922 г.), 54 % составляли русские, 40,6 % — карелы, 3,8 % — вепсы, 0,5 % — финны.

В то же время карельские диалекты рассматривались как необходимое условие проведения «карелизации»: постановление ЦИК АКССР «О национальной политике в Карелии» обязывало употреблять местные диалекты в работе исполкомов, съездов Советов, школах и судах с сохранением финской и русской грамоты.

Проект Конституции КАССР 1926 г. считается одним из самых радикальных по предложенному решению языкового вопроса

среди конституций автономных республик СССР. В соответствии с ним государственными языками республики провозглашались русский и «карело-финский», при этом отрицалась возможность до этого времени актуального языкового плебесцита: «Делопроизводство, судопроизводство и обучение в отдельных местностях АКССР ведется на языке большинства населения данной местности или на обоих государственных языках по определению ЦИК». Равноправие государственных языков должно было соблюдаться во всех формах административных отношений центральной и местной власти, равно как и федеративных и союзных властей.

Двусторонность языковой политики Карелии в 1920-е — склонность к административному планированию распространения финского языка и признание необходимости участия местных диалектов, главным образом в системе народного образования, — соответствовала смене роли автономии в политическом курсе страны: из платформы для революционного выступления в Финляндии она постепенно превращалась в образец для пролетариата соседней страны.

Начало индустриализации и изменение роли Карелии в промышленности СССР сказалось на развитии национальной политики. Увеличение объема лесозаготовок

в 1929–1930 гг. в восемь раз по сравнению с показателями 1922–1923 гг., приток рабочей силы (в 1928–1929 гг. — 25 тыс. сезонных рабочих, в 1929–1930 гг. — около 60 тыс.) своеобразно отразился на характере новых предложений по языковой политике, сводящихся к ускорению темпов введения финского языка. Озабоченность советского руководства проблемой сохранения национального баланса в республике практически реализовалась в начале 1930-х гг. организацией финской эмиграции из США и Канады: по данным Переселенческого управления, в 1931–1935 гг. в Карелию приехало 5496 человек из Северной Америки. Значительный процент финских переселенцев составляли также выходцы из Финляндии. К середине 1930-х гг. число финнов, проживающих в Карельской республике, составило примерно 15 тыс. человек.

Провозглашенная на XVI съезде партии борьба с «великодержавным шовинизмом» и «правым оппортунизмом» практически обосновывалась связью развития национальной политики и движения коллективизации. Ускорения темпов карелизации потребовала первая проверка комиссией СНК РСФСР, проведенная в начале 1929 г.; в частности, было потребовано «обратить внимание на выращивание и подготовку кадров национального пролетариата и его выдвижение на руководящую ра-

боту». В августе 1929 г. программа дальнейшей «карелизации», принятая Объединенным пленумом Карельского обкома и областной контрольной комиссии, включала в себя увеличение доли национального рабочего класса, квотирование мест на образование для представителей национальностей, увеличение их представительства в партии, в органах власти, преобразование национальных школ в финские, расширение издательской деятельности на финском языке, открытие в Петрозаводске национального театра и Дома просвещения, предоставление места жительства переселенцам в соответствие с национальностью, развитие приграничных территорий.

С разработкой карельской письменности для тверских карелов наметилась линия единого курса языкового развития в обоих регионах. В апреле 1931 г. на конференции, организованной Московским отделом народного образования и Наркомпросом РСФСР, нарком просвещения Карелии И. П. Гришкин рекомендовал властям республики пересмотреть вопрос «реакционности» карельской письменности и приступить к ее созданию и применению в южных и центральных областях Карелии и вепсской письменности — в Шелтозерском районе. Эти меры, по его мнению, должны были привести к формированию карело-финского языка, понятно-

го массам. Полемика между сторонниками создания карельской письменности, самым активным из которых был член АН СССР профессор Д. В. Бубрих, и приверженцами финского письма при всей своей остроте сохраняла рамки научно-популярных дискуссий с превалирующим политическим элементом.

В 1931–1933 гг. казался возможным компромисс между распространением финского языка и развитием карельских диалектов за счет «карелизации» финского языка, создания истинного «карело-финского». Это, по мнению Гришкина, могло быть достигнуто за счет использования карельских диалектов при ликвидации безграмотности у взрослых, за счет замещения русских заимствований в карельских диалектах понятными финскими словами. Все эти меры должны были способствовать созданию финского языка, насыщенного революционной терминологией и карельскими словами. Эксперимент по ликвидации безграмотности на карельских диалектах с последующим переходом на финский язык обучения оказался неудачным и вскоре был прекращен. В 1932–1933 гг. издавалась газета «*Karjalan kultarmeijalainen*», использовавшая на своих страницах «карело-финский» язык: вариант смешения финского языка с некоторыми элементами ливвиковского наречия.

Резкий поворот в языковой политике Карелии наметился весной 1931 г. после постановления Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР (от 25 апреля 1931 г.) об использовании литературного карельского языка. Постановление, вызвав недоумение в самой республике, было отменено Политбюро ЦК ВКП(б) уже 30 июня, однако формально оставалось в силе. Вплоть до 1933 г. руководство республики получало инструкции по усилению «карелизации» и одновременно стремилось сохранить ускользающее равновесие между «реакционностью карельской письменности» и «топорным внедрением финского языка». После же формальной отмены постановления в феврале 1933 г. последовала критика национальной политики карельской администрации Ленинградским обкомом партии. XII Карельская областная партийная конференция (10–15 января 1934 г.) объявила «местный национализм, прикрывающий буржуазно-националистическую контрреволюцию и смыкающийся с интервентами» «главной опасностью в Карельской парторганизации». Неудивительно, что формой, которую принял «местный национализм» в республике, оказалась политика утверждения финского языка. Попытка карельского руководства усилить курс на равноправие языков с акцентом на развитие

карельских диалектов и на повышение уровня преподавания русского языка, сигнализовавшая возврат к национальной политике 1920-х гг., была обречена на поражение и обличена на IV и V пленумах обкома в августе-сентябре 1935 г.

Изменение курса языковой политики во многом было вызвано смещением ориентиров внешней политики: подготовка к мировой войне пришла на смену идее мировой революции. Оценка Финляндии как безусловно враждебного государства, впервые оглашенная в 1930 г., становится повсеместной к середине 1930-х гг. Подвергается критике переселенческая политика руководства Карелии, его же упрекают за отеснение национальных кадров от управления, обвиняют в противодействии распространению партийной печати на русском языке. При этих оценках проводившаяся языковая политика привела к «срыву подготовки кадров из среды карельской молодежи, резкому снижению качества обучения и воспитания учащихся в школах Карельской АССР, игнорированию русского языка и отрыву карельской молодежи от советской социалистической культуры».

Проект Конституции Карельской Автономной Республики 1926 г. не был утвержден: первая Конституция КАССР была принята 17 июля 1937 г. Несмотря на то, что ни один язык, в соот-

ветствии с Основным Законом, не получал статуса государственного, обязательным стало вести судопроизводство, публиковать решения органов власти и использовать символику на трех языках — карельском, финском и русском. Вскоре же после вступления в силу Конституции начинается постепенный отказ от финского языка, завершившийся его запрещением во второй половине 1937 г.

Работа над созданием карельской письменности началась еще в конце 1936 г. под руководством Бубриха. Его подход основывался на необходимом компромиссном представлении в литературном языке фонетических и грамматических свойств всех карельских диалектов с приоритетным выделением тех, которые казались менее всего подверженными внешнему языковому влиянию. Для карельского литературного языка, по мнению Бубриха, такой базой должен был стать собственно карельский диалект, а также тверские говоры карельского языка. Алфавитной основой стала русская кириллица с добавленными знаками для передачи карельской фонетики; окончательный вариант алфавита был одобрен Наркомпросом РСФСР в декабре 1937 г., правила правописания были разработаны в Ленинграде в январе 1938 г.

В то же время советское руководство с меньшей заботой отно-

силось к развитию письменностей других народов, населявших Карелию. В 1937 г. была предпринята попытка введения обучения на родном языке в школах Шелтозерского вепсского национального района с использованием учебной литературы, созданной для вепсских школ Ленинградской области. В конце того же года национальная письменность вепсов была запрещена и в Карелии, и в Ленинградской области.

В 1938 г. начинается следующий этап «карелизации» республики. С января 1938 г. полностью прекратилось использование финского языка в образовательной, просветительской, издательской видах деятельности, в июле 1938 г. Карельский обком партии получил разрешение на изъятие положений о финском языке из Конституции.

Вина за все трудности, обнаружившие себя в процессе внедрения карельского языка в школе и в печати — за недостаточные знания карельского языка у преподавателей и нехватку учебников (к осени 1938 г. была издана только половина необходимого количества), была возложена на «буржуазных националистов» — административную верхушку республики (секретарь обкома Д. П. Смирнов, нарком просвещения В. А. Филимонов, ответственный редактор газеты «Советская Карелия» П. Е. Савельев). Борьба с ними развернулась

весной 1938 г., Д. В. Бубрих был арестован еще в январе того же года, а созданный под его руководством литературный карельский язык был признан «финнизированным». Новые правила карельского языка должны были быть очищены от элементов финского языка, архаизмов, особенностей говора тверских карелов и учитывать особенности всех диалектов. На практике же новый свод правил, утвержденный летом 1939 г., оказался максимально приближен к русскому, многие элементы, общие для финского и карельского языков, были исключены. Начавшийся в 1937 г. перевод национальных начальных школ на карельский язык обучения, а старшей школы — на русский завершается осенью 1939 г. повсеместным введением карельского языка в средние и неполные средние школы. Большое внимание уделяется изданию переводной общественно-политической и детской литературы, однако авторитет карельской письменности в самой республике оставался низким: почти полностью отсутствовали оригинальные материалы, переводные же отличались низким качеством, частые заимствования из русского языка создавали эффект смешанности.

С переходом к развитию карельских диалектов и литературного языка в середине 1930-х гг. практикуется создание «советского» извода финского языка: создан-

ная в 1936 г. терминологическая комиссия при Карельском НИИ занималась включением в словарь языка интернационализмов, советизмов и карельских слов, планомерно исключая «буржуазные» финские неологизмы.

Некоторое возвращение финского языка в обиход стало необходимым в политической работе с местным финским населением в начале 1939 г. перед войной с Финляндией. Вскоре после завершения «зимней» войны Москва приступила ко «второй финнизации»: в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 марта 1940 г. финский язык вновь приобретал статус государственного. Надлежало использовать его наряду с русским в делопроизводстве, перевести национальные образовательные учреждения с карельского на финский язык обучения, издавать республиканскую газету. В укрепление этих мер 30 марта 1940 г. Автономная Карельская Республика была преобразована в Карело-Финскую республику: «именно финский язык, понятный для карельского населения, может и должен стать главным средством подъема национальной культуры, роста науки, литературы, искусства и создания кадров советской интеллигенции в КФСР». Создание Карело-Финской республики с сохранением номинального руководства О. Куусинена из «народного правительства» Финляндии

обосновывалось исключительно стратегическими задачами внешней политики СССР. Занимая приграничное положение, республика де-факто соответствовала только этому требованию из всех, выдвигавшихся конституцией 1936 г. к союзным республикам. Она не обладала населением более 1 млн человек (около полу-миллиона), «титовая» нация не составляла большинство: карелы составляли около 25 % населения, финнов было намного меньше даже с учетом присоединенных территорий.

С целью организации обучения финскому языку высших административных кадров с 15 октября 1940 г. создается особый факультет с индивидуальным обучением на дому, на который было зачислено 12 наркомов, 6 начальников управлений, все секретари ЦК. Наркомам и всем руководителям надлежало в то же время открыть кружки по изучению финского языка на 5–7 человек; к 1 января 1941 г. все начальники КФСР проходили обучения в 102 школах и кружках.

Открытие в Петрозаводске государственного университета с преподаванием научных дисциплин на финском языке, безусловно, соответствовало политике «финнизации», тем не менее обнаруживала себя нехватка как преподавательских кадров, так и студентов: весной 1941 г. карелы и финны составляли лишь

12,2 % от общего количества студентов.

Гораздо успешнее проходила «финнизация» в средней школе. К 1941 г. в 206 из 806 школ КФССР 15 314 учащихся обучались на финском языке. Осуществлялся перевод на финский язык периодических изданий, начавшийся с появления журнала «Puna Lippi» («Красное знамя») вместо журнала «Карелия» 1 июля 1940 г. В мае 1940 г. создается карело-финский национальный хор, в ноябре того же года — Государственный финский театр с труппой из 23 финнов и 5 карел. В октябре 1940 г. принято решение о создании фильмофонда на финском языке из 34 советских кинокартин.

Любопытны слова секретаря Карельского обкома Г. Н. Куприянова, произнесенные на I съезде КП(б) Карело-Финской ССР в 1940 г.: «Финский язык сейчас вводится совершенно на иной основе. Мы вводим финский язык с совершенно иной политической задачей, задачей подготовки кадров для всех областей государственной, партийной работы, с задачей овладения наукой, культурой, искусством на финском языке, с задачей сближения и тесного содружества карельского и финского народов. С этой точки зрения создание литературного карельского языка не было движением назад. Наоборот, рост культуры карельского народа шел

за эти годы значительно быстрее, чем за годы, когда орудовали буржуазные националисты. Это поможет нам в значительной степени в деле овладения финским языком, культурой, искусством, созданными на финском языке. <...> Вводя финский язык наряду с русским, как государственный язык республики, мы должны обеспечить преподавание русского языка во всех национальных школах республики с тем, чтобы карельский и финский народы знали язык пролетарской революции, язык Ленина-Сталина, чтобы они смогли воспринимать богатую многовековую культуру великого русского народа». Очевидно, что Куприянов апеллирует к тем же аргументам, что и «буржуазные националисты» — краснофинское руководство республики, более того, последовательно разделяя финскую и русскую культуры, для овладения которыми необходимы соответствующие языки, он в то же время снимает вопрос о последующем развитии карельской культуры. В дальнейшем Карельская республика останется единственной автономией в СССР, «титულный» язык которой законодательно отсутствовал.

Список литературы

Аллатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР

- и постсоветского пространства. М., 2000.
- Анттикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.
- Анттикоски Э.* Попытка создания единой карельской письменности в конце 1930-х гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 154–160.
- Анттикоски Э.* Проблема карельского языка в деятельности карельского национального движения в Финляндии (1905–1945) // История и филология: Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 165–172.
- Артемов В. А.* Технографический анализ суммарных букв нового алфавита // Письменность и революция. Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 58–72.
- Виноградов В. В.* Великий русский язык. М., 1945.
- Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920–1930-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России. Петрозаводск, 1998. С. 15–41.
- Гранде Б.* Унификация алфавитов // Алфавит Октября. М.; Л., 1934. С. 14–27.
- Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.* Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.
- Диманштейн С. М.* Принципы создания национальной терминологии // Письменность и революция. Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 26–42.
- Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957.
- История русской лексикографии / Под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб., 1998.
- Каганович С. К.* Борьба с великодержавным шовинизмом и местным национализмом в области языковедения // Литература и искусство. 1931. № 4. С. 88–95.
- Килин Ю. М.* Язык и внешняя политика: судьбы финского и карельского языков в Карелии. // История и филология: Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 156–165.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Ч. I. М., 1953.
- Культурное строительство в Советской Карелии 1926–1941. Народное образование и просвещение. Документы и материалы. Петрозаводск, 1988.

- Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992.
- Ойунский П.* К истории алфавитов в Якутии // Алфавит Октября. М.; Л., 1934. С. 136–143.
- Петрова Е.* Воспитательная работа на занятиях по русскому языку // Русский язык в школе. 1937, № 5. С. 35–49.
- Печать СССР за 50 лет: Статистические очерки. М., 1967.
- Проект Главнауки о новом правописании. Сб. М., 1930.
- Рахимбаев А.* Просвещение национальностей в РСФСР за 15 лет // Алфавит Октября. М.; Л., 1934. С. 9–14.
- Реформатский А. А.* Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 42–58.
- Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.
- Строгальщикова З. И.* Вопросы языковой политики в конституциях Республики Карелия. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 161–167.
- Языковая политика в Республике Башкортостан в 1920–1930-е годы. Сборник документов и материалов / Под ред. М. Н. Губогло. Т. I. М., 2001.
- Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. Кн. I. М., 1928. С. 41–64.
- Яковлев Н. Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность востока. Кн. 6. Баку; Москва, 1930. С. 27–43.
- Яковлев Н. Ф.* Итоги латинизации алфавитов в СССР // Революция и письменность, 1932, № 4–5. С. 25–43.
- Яковлев Н. Ф.* О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 25–38.
- Crisp S.* Soviet language planning since 1917–1953 // Language Planning in the Soviet Union. New York, 1990. P. 23–45.
- Kirkwood Pool J.* Soviet language planning: Goals, Results, Options // Soviet Nationality Policies and Practice. New York, 1978. P. 216–226.

Приложение

Таблица 1

Выпуск книг и брошюр в союзных республиках в 1913 и в 1940 гг.

Республика	Годы	Число книг и брошюр	Тираж (млн экз.)
РСФСР	1913	19 376	75,0
	1940	32 545	353,5
Из них на языке коренной национальности	1913	18 128	70,4
	1940	29 465	328,2
Украинская ССР	1913	5 465	10,2
	1940	4 836	51,4
Из них на языке коренной национальности	1913	170	м.м.
	1940	2 012	41,3
Белорусская ССР	1913	232	М.м.
	1940	772	10,4
Из них на языке коренной национальности	1913	Не издавались	
	1940	375	7,7
Узбекская ССР	1913	56	М.м.
	1940	1 219	11,2
Из них на языке коренной национальности	1913	33	М.м.
	1940	660	9,4
Казахская ССР	1913	13	М.м.
	1940	762	5,8
Из них на языке коренной национальности	1913	2	М.м.
	1940	382	4,2
Грузинская ССР	1913	694	1,0
	1940	1 639	5,6
Из них на языке коренной национальности	1913	227	М.м.
	1940	1 189	4,0
Азербайджанская ССР	1913	275	М.м.
	1940	1 141	5,0
Из них на языке коренной национальности	1913	89	М.м.
	1940	614	3,9

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ С 1917 Г. ДО КОНЦА 1930-Х ГГ.

Республика	Годы	Число книг и брошюр	Тираж (млн экз.)
Литовская ССР	1913	Нет данных	Нет данных
	1940	387	3,8
Из них на языке коренной национальности	1913	Нет данных	Нет данных
	1940	336	3,2
Молдавская ССР	1913	4	М.м.
	1940	138	1,4
Из них на языке коренной национальности	1913	Не издавались	
	1940	108	1,2
Латвийская ССР	1913	Нет данных	Нет данных
	1940	392	2,9
Из них на языке коренной национальности	1913	Нет данных	Нет данных
	1940	286	2,3
Киргизская ССР	1913	Не издавались	
	1940	350	1,3
Из них на языке коренной национальности	1913	Не издавались	
	1940	174	1,0
Таджикская ССР	1913	Не издавались	
	1940	372	2,8
Из них на языке коренной национальности	1913	Не издавались	
	1940	285	2,4
Армянская ССР	1913	55	М.м.
	1940	699	2,8
Из них на языке коренной национальности	1913	42	М.м.
	1940	611	2,6
Туркменская ССР	1913	4	М.м.
	1940	312	2,2
Из них на языке коренной национальности	1913	-	-
	1940	272	2,0
Эстонская ССР	1913	Нет данных	
	1940	266	2,1
Из них на языке коренной национальности	1913	Нет данных	
	1940	229	2,0

Таблица 2

Выпуск в СССР художественной литературы на 1940 г.

	Число книг и брошюр	Тираж (млн экз.)
Русская литература	1848	30,8
Литература других народов СССР	1407	10,7
Иностранная литература	348	5,1

Таблица 3

Выпуск детской литературы в 1918, 1928 и 1940 гг.

	Всего		Из них:			
	Число книг и брошюр	Тираж (млн экз.)	На русском языке		На других языках	
Число книг и брошюр			Тираж (млн экз.)	Число книг и брошюр	Тираж (млн экз.)	
1918	428	2,9	428	2,9	-	-
1928	1 950	32,7	1 497	27,8	453	4,9
1940	1 734	35,1	715	28,7	1 019	6,4

Таблица 4

Выпуск газет на 1940 г.

	Число изданий	Из них на языке коренной национальности республики
РСФСР	5730	5337
Украинская ССР	1672	942
Белорусская ССР	252	178
Узбекская ССР	200	124
Казахская ССР	336	152
Грузинская ССР	120	77
Азербайджанская ССР	141	89
Литовская ССР	13	7
Молдавская ССР	22	10
Латвийская ССР	21	18

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ С 1917 Г. ДО КОНЦА 1930-Х ГГ.

	Число изданий	Из них на языке коренной национальности республики
Киргизская ССР	69	43
Таджикская ССР	83	53
Армянская ССР	56	43
Туркменская ССР	73	47
Эстонская ССР	18	16